

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

22 ноября 2019 года редакция и редакционный совет журнала «Вестник политической психологии» провели в Институте востоковедения РГПУ им. А. И. Герцена очередное заседание круглого стола, посвященного 30-летию политической психологии в нашей стране. В работе круглого стола приняли участие ведущие политические психологи Санкт-Петербурга, общественные и политические деятели.

**ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РГПУ ИМ. А. И. ГЕРЦЕНА, ПРЕДСЕДА-
ТЕЛЬ ПОЛИТИКО-КОНСУЛЬТАТИВНОГО СОВЕТА
«ВЕСТНИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ»,
ДОКТОР ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР
А. Л. ВАССОЕВИЧ:**

Уважаемые коллеги, сегодняшним заседанием членов редакционных советов «Вестника политической психологии» мы предлагаем начать публичное обсуждение проблем политической психологии в перспективе её развития. Напомню, что в октябре 2019 года в Санкт-Петербурге прошли две научные конференции, приуроченные к 30-летию политической психологии в нашей стране и созданию кафедры политической психологии в Ленинградском — Санкт-Петербургском государственном университете. Это традиционные ежегодные Ананьевские чтения «Психология — обществу, государству, политике», проводимые с 22 по 24 октября на факультете психологии СПбГУ, и конференция «Политическая психология в новой политической реальности — тридцать лет спустя», проведенная 16–17 октября в стенах Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. А за полгода до этого, 17 апреля, состоялись 3-е Зимичевские чтения, на которых обсуждалась важная с точки зрения политической психологии проблема, касающаяся роли общего и профессионального образования в формировании этнической идентичности и межэтнического согласия. И таким образом, наш круглый стол можно рассматривать, с одной стороны, как завершающее мероприятие юбилейного года, а с другой — как мероприятие, целью которого является определение ключевых задач следующего периода развития политической психологии как науки и сферы практической деятельности. Наш круглый стол сегодня проходит в стенах Института востоковедения Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, что носит не просто символический, но и в какой-то степени сакральный характер. Так как именно в пространстве нынешнего РГПУ имени А. И. Герцена, в прошлом

Ленинградского государственного педагогического института, не только формировалась ленинградская психологическая школа, но и многие годы проработал один из основоположников политической психологии в нашей стране, наш друг и учитель Анатолий Михайлович Зимичев. И таким образом, сегодня Институт востоковедения РГПУ им. А. И. Герцена становится ещё одной научной площадкой политической психологии. Ведущим этого заседания редсовета «Вестника политической психологии» выразил готовность стать Александр Иванович Ватулин, и я передаю ему слово.

**ДОЦЕНТ КАФЕДРЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ
СПБГУ, КАНДИДАТ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК
А. И. ВАТУЛИН:**

Спасибо, Андрей Леонидович! Уважаемые коллеги, на сегодняшнее заседание для обсуждения выносятся два вопроса:

1. Политическая психология в современной системе наук (отличия и особенности в подходах представителей Ленинградской школы политической психологии).
2. Предмет политической психологии (в том числе предметно-понятийные пересечения с другими научными дисциплинами, позиционирующие свой исследовательский интерес в сфере политики).

Предлагаю оба вопроса рассмотреть вместе. Обсуждая место политической психологии в современной системе наук, объединив его с предметом политической психологии, мы сможем увидеть проблемы современной научной ситуации. В любой науке, а не только в политической психологии, с определённой периодичностью возникает методологический кризис. В начале XX века Лев Семёнович Выготский пытался разобраться в психологии и её методологии. В начале XXI века всем нам известный Виктор Михайлович Аллахвердов пытался достучаться до сознания психологов: «А чем же вы, коллеги, занимаетесь и в чём наш предмет?» Но тоже не был услышан и ушёл в сферу собственных научных интересов, в поиск — «что же такое сознание?» Но нам, тем не менее, для некой верификации себя

как политических психологов хотелось бы понять: где начинается и где заканчивается предметное поле нейробиологии, нейрофизиологии, а где начинается психология, и политическая психология в частности, и где точки её перехода в политологию, политическую социологию и даже педагогику? Можем ли мы определить границы этого предметного поля так, чтобы в дальнейшем понять и идентифицировать те или иные научные исследования. Относятся ли они к сфере политической психологии, или же они относятся в целом к политической науке и их никак невозможно отделить и рассматривать как отдельную предметную зону именно политической психологии. Вот этот первичный уровень, который хотелось бы сегодня начать обсуждать.

Сегодня в науке наступили не очень хорошие времена, потому что переход к грантовому финансированию в условиях бюрократического капитализма потребовал определить критерии этого финансирования, которые бюрократами были найдены и обозначены как «индекс цитирования», то есть количество публикаций. Опубликованных, однако, только в определённых «продвинутых» журналах, прежде всего иностранных, за которые, собственно, и осуществляется оплата научного труда. Результатом этого стало то, что сегодня из научных исследований уходят сущностные моменты, больше преобладают формальные признаки, что естественно при зависимости благосостояния ученого от количества опубликованных им статей определённого уровня. Эта наукометрия, прочно обосновавшаяся у нас в научном сообществе, делает этически невозможным какие-либо дискуссии, которые критиковали бы результаты исследований тех или иных коллег. Так как подспудно каждый понимает, что если критикуешь, то не даёшь возможность проявить себя в деле публикаций, грантов и т. д., тем самым лишаешь средств к существованию. Поэтому формальные дискуссии потеряли свою остроту, а для неформальных осталось очень мало площадок в академической среде. Именно с целью преодоления сложившегося за последнее время дискуссионного вакуума мы начинаем серию круглых столов «Вестника политической психологии» и приступаем к обсуждению насущных проблем политической психологии.

Для продолжения обсуждения слово передаю Алексею Владиславовичу Шустову.

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИТИК,
КАНДИДАТ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
А. В. ШУСТОВ:**

Начну с банальностей. Хотя уверен, что большинство присутствующих, если не все, видят ситуацию так же. Всё же иногда полезно освежить в памяти и актуализировать то, что давно знаешь.

Первое. Наука отражает внешний по отношению к исследователю мир, который един, и поэтому отражающая его наука не может не быть единой. Когда по мере накопления научных знаний появились научные дисциплины и специализация учёных, это было сделано лишь для удобства самих исследователей. Понятно, что границы между научными дисциплинами проводятся на основании каких-то объективных признаков, но всё же они являются следствием конвенции, соглашения, и потому безосновательны любые апелляции отдельных учёных к «объективной предопределённости» того или иного деления единой науки. Итак, обсуждая границы научных дисциплин, мы обсуждаем не объективные закономерности, а нашу субъективную социальную конвенцию, преследуя цель обеспечить себе удобство.

Второе. Я в последние годы занимаюсь именно междисциплинарными исследованиями, поэтому для меня взаимодействие и взаимоотношения научных дисциплин — это актуально. Те отрасли науки, в которых я разрабатываю различные темы, — это психология, политическая наука, социология, экономика (точнее — политическая экономия и макроэкономика) и историческая наука. Мои соображения построены на опыте работы с ними, и я буду иллюстрировать свои размышления примерами взаимоотношений этих пяти дисциплин. Но начать следует с фиксации различия между вертикальным и горизонтальным делением науки на дисциплины.

Третий пункт. Сначала подробнее о вертикальном. Для меня когда-то после школы было откровением осознать, что химия фактически является «младшей» наукой по отношению к физике, так как все химические явления есть часть предметной области физики (и только прикладные аспекты химии могут выходить за границы теоретической физики). Странно, что в школе наше внимание на это не обращали: это могло бы серьёзно помочь в осознании единства природы и науки.

Аналогично в гуманитарных науках. Мы можем говорить о явлениях социальных, выявляя и описывая закономерности, проявляющиеся на уровне сообществ, чем и занимаются социология, политология (не считая ряда специфических разделов), экономика (не считая разделов, касающихся поведения потребителей и некоторых других вопросов), историческая наука, а также, важно заметить, многие разделы социальной психологии.

Но как психолог, причём не просто психолог, а психолог-бихевиорист, я понимаю, что в основе любых социальных процессов лежит индивидуально-психологический генезис поведения на уровне психики каждого отдельного индивида, участника группы. При совпадении или резонансе индивидуального поведения большого числа людей мы наблюдаем то, что называем социальным явлением. И потому любое

социальное явление мы, психологи, в отличие от социологов, политологов, экономистов, можем рассматривать на уровне психологии отдельных лиц, сначала обнаружив типажи, имеющие сходное поведение и потому сходные роли в социальных процессах или же дополняющее друг друга поведение, выражающееся в синхронизации различных ролей, а затем выявляя, какие процессы в психике представителей каждого типажа, каждой роли привели к тому поведению, которое в сочетании с поведением других людей представило социологам, политологам, экономистам, историкам то или иное социальное явление, ставшее предметом их исследования.

Однако, как честный учёный, придерживающийся философского принципа жёсткого детерминизма, я не могу остановиться на уровне психологии, выдав нашу дисциплину за центр всех наук о человеке. Мне приходится признать, что от психологии можно опуститься ещё глубже в этом вертикальном движении. Как уже сказал, я убеждён в жёсткой предопределённости поведения человека процессами, протекающими в его нервной системе (насколько это верно — отдельная большая тема, не являющаяся сейчас предметом обсуждения). Вот почему так же, как психолог может прийти к социологам, политологам, экономистам и сказать им, что все их построения абстрактны, так как социальные явления состоят из поведения конкретных людей, которое изучаю я, так и ко мне, психологу, когда-нибудь придут нейрофизиологи и скажут, что любое поведение, закономерности происхождения которого я пытаюсь выловить и описать, состоит из конкретных последовательностей нервных импульсов, которые они, психофизиологи, смогли, наконец, зарегистрировать и описать. Ну а к ним уже придут химики, говорящие, например, о нейромедиаторах, а к химикам — физики со своими сильными, слабыми, электромагнитными и гравитационными взаимодействиями. Всё, как и положено, закончится физикой, и это справедливо в рамках единого мира, модель которого мы строим средствами единой науки.

Это, повторюсь, был разговор о вертикальном делении наук, и оно имеет в своей основе больше объективных предпосылок, чем горизонтальное, к которому сейчас перейду. Несмотря на то что этот разговор занял некоторое время, считаю полезным не забывать не только о том, как связаны между собой социальные, гуманитарные науки, но и то, как они сами связаны с науками естественными.

Четвёртое. Теперь о горизонтальном делении. С точки зрения вертикальной нарезки мы будем находиться на уровне социальных явлений и периодически заступать в зону психологии, где мы изучаем происхождение индивидуального поведения. И вот на этом социальном уровне есть одна плоскость, в которой пересекаются предметные области социологии, политологии, экономики, истории, социальной психологии.

На днях я имел лёгкую дискуссию с социологом Виктором Михайловичем Воронковым, который высказал уверенное мнение о том, что социальная психология является частью социологии. Мы, психологи, можем такой точке зрения только улыбнуться. Та же дискуссия идёт вокруг нашей родной политической психологии. Для политологов это часть их науки, для нас — нашей.

Эту ситуацию я интерпретирую так, что при пересечении предметных областей на одном уровне вертикального деления, как в данном случае — на уровне социальных групп, представители каждой науки считают зону пересечения «своей», относящейся к своей предметной области, и с этим очень трудно спорить. Я не проверял, но уверен, что, к примеру, экономисты считают экономическую социологию частью экономики, а социологи — частью социологии. Что же в этой ситуации делать?

Уверен, что бессмысленно биться с политологами по вопросу о том, «чья» политическая психология — их или наша, психологов. В политико-психологических исследованиях их характер зависит от того, какое базовое образование у исследователя, и это ярко проявится в особенностях научной работы. Надо ли требовать запрета политологам вести политико-психологические исследования? Или, если они, политологи, всё же начнут их вести, то следить, чтобы они пользовались при их проведении только психологическим инструментарием и категориальным аппаратом? Или следует ли нам отказаться от психологического инструментария в том случае, если борьбу за политическую психологию в кабинетах надзирающих за наукой чиновников мы политологам проиграем? Нет, конечно. Но надо обращать внимание и даже акцентировать его на том, кто по базовому образованию тот политический психолог, который представляет результаты своей научной работы. Любому разумному и внимательному учёному этого достаточно, чтобы аккуратно вписать новые данные в свою картину мира. Что нам действительно нужно, так это договориться между собой и договориться с политологами, а также представителями других гуманитарных и социальных наук о том, что мы должны «окрашивать» наши научные работы цветом той науки, которая является базовой для исследователя, и в обязательном порядке декларировать этот «цвет» в своих научных текстах.

Отдельный вопрос касается того, может ли второе образование изменить характер мышления исследователя? Напомню, к примеру, что А. И. Юрьев, поработав несколько лет с коллегами на факультете политологии, неоднократно говорил о том, что он за эти годы серьёзно изучил политическую науку, получив знания, которых ему раньше не хватало. Но стал ли он думать о политической психологии как политолог?

Думаю, что в большинстве случаев смены типа мышления не происходит: научный «импринтинг», если позволите это так назвать, очень силён. Возможно, кто-то из нас сможет вспомнить одного-двух знакомых, которые, вероятно, не очень внимательно учась в юные годы первой дисциплине и получив по ней диплом, позже получили второе образование в другой и стали в большей мере представителями второй науки, чем первой. Но такие случаи редки.

Выводы. На основании всего вышесказанного предлагаю обсуждать две темы: во-первых, как мы для себя и только для себя, внутри политической психологии как части психологической науки, не думая о представителях других дисциплин, определяем свою предметную область, и во-вторых, как договориться с представителями других дисциплин о тех принципах «окраски» научных текстов, которые сейчас, в принципе, тоже существуют (например, через указание научного звания при имени автора научной работы), но пока они недостаточно совершенны.

А. С. Иванова (*генеральный директор Центра политических и психологических исследований*): У меня уточняющий вопрос, касающийся инструментария исследования, которым пользуются политологи и от которого, в случае нашего проигрыша как представителей психологической науки в кабинетах надзирающих за наукой чиновников, нам надо отказать. Что это за инструментарий? И почему политологи могут или должны взять психологический инструментарий?

А. В. Шустов: Недавно в Санкт-Петербургском Социологическом институте проходил круглый стол по обсуждению результатов прошедших в этом году выборов, где я, можно сказать, проявил себя как камикадзе от психологии в среде социологов, высказав мнение о том, что, выслушав все их выступления, никак не могу понять, где же начинается социология. На том круглом столе участники очень много говорили, что они не согласны с распространённой точкой зрения, что опросы — это и есть социология, а собственно социология, по их убеждению, начинается только с момента анализа результатов опросов. На что я был вынужден задать вопрос: а как же вы их анализируете? Коллеги-социологи очень сильно напряглись и сообщили, что у них есть для этого методы в пределах их науки. Однако эти же методы мы в рамках психологии считаем «своими». Но нужно ли заниматься такой научной «приватизацией» методов? Зачем? Поэтому я и считаю, что ввязываться в междисциплинарную дискуссию о жёстких границах предметных областей и о принадлежности методических инструментов не следует.

А. И. Ватулин: То есть вы выступаете за конвенцию?

А. В. Шустов: Да.

**Научный руководитель «Центра политических и психологических исследований»,
Председатель научно-редакционного совета
«Вестника политической психологии»,
доктор психологических наук, профессор
В. Е. Семёнов:**

Дело в том, что последние годы социологи у нас полюбили качественные методы, то есть фокус-группы, углублённое многовопросное интервьюирование, изучение отдельных характерных случаев и т. д. Но термин «качественные» в данном случае неверен: так как имеет оценочный характер. Получается, что количественные методы — некачественные, то есть плохого качества. Да и вообще, хорошее надежное исследование должно включать разные методы, батарею методик.

Я хочу сказать, что методы на самом деле у социальных наук во многом одинаковые. Когда социологи стали применять «качественные» методы, да и ранее, когда появилась социология малых групп, микросоциология, то стало невозможно определить границу, где социальная психология, а где микросоциология. Поэтому здесь спорить — заниматься схоластикой. Главное, чтобы метод был надёжный и полученные результаты интерпретировались в рамках той концепции, которую выбрал или создал исследователь. Кстати, давным-давно кафедры социальной психологии работали как на факультетах психологии, так и социологии (по крайней мере за рубежом). Например, я имел дело с тремя нашими выдающимися социальными психологами: профессорами Евгением Сергеевичем Кузьминым, Борисом Дмитриевичем Парыгиным и Владимиром Александровичем Ядовым. Если первый был психологом, доктором психологических наук, учеником Бориса Герасимовича Ананьева и почитателем Владимира Михайловича Бехтерева, то другие были докторами философских наук и начинали именно как социальные философы и социологи. Показательно, что Владимир Александрович Ядов был соавтором монографии «Социальная психология» (*Социальная психология / под ред. Е. С. Кузьмина, В. Е. Семёнова. Л. Изд-во ЛГУ, 1979. — Прим. ред.*). А меня, естественно, радует, что все эти ученые ссылались на мои научные работы в своих трудах. Простите за нескромность, но я первый разработал концептуально обоснованную классификацию методов социальной психологии (*Методы социальной психологии / под ред. Е. С. Кузьмина, В. Е. Семёнова. Л. Изд-во ЛГУ, 1979. — Прим. ред.*).

А. И. Ватулин: Есть ещё понятие «политика», которое всех нас объединяет и которое вызывает многочисленные терминологические споры. В своём выступлении на Ананьевских чтениях в этом году я предложил для политической психологии использовать трактовку политики как использование неких

специфических форм и средств борьбы организованных групп за добычу и контроль ресурсов в условиях реального или потенциального противодействия. То есть любой политический процесс — это борьба за ресурсы, если взять очень упрощенно. Владение ресурсами рождает власть. Власть рождает возможность захвата ещё больших ресурсов. Большие ресурсы позволяют добиваться ещё большей власти. Группировка будет бороться за власть и ресурсы, пока не произойдет её распад из-за внутренних конфликтов либо влияния внешних факторов (других людей). С этой точки зрения, когда мы рассматриваем политику, понятно, что нам, если мы политические психологи, нужно сконцентрировать внимание на тех людях, которые борются за власть. Нас интересуют не все люди, а те, кто борется за власть и ресурсы, либо те, на кого они воздействуют. Если это публичная политика, как принято сейчас говорить, то в ней происходит борьба за власть с помощью таких форм, как голосование, избрание, референдум и прочие, прочие, прочие. В итоге появляется возможность приобретать или контролировать какой-то ресурс. В борьбе за этот ресурс используются специальные формы, такие как избирательные технологии, черный пиар и т. п. Их тоже очень много. Мы это понимаем, если ставим во главу угла действительно понимание, что люди борются за ресурсы. Это может стать опорным элементом для ученых, изучающих политику.

**ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
«ВЕСТНИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ»
Н. А. ГРАДОВА:**

Я бы хотела предложить следующую линию рассуждения, которая расширяет наше представление об объекте политической психологии. Я исхожу из следующего тезиса — «за ресурс борются все». Одни лично, беря на себя политическую функцию, выбрав своей профессией политическую деятельность. Другие, занимаясь привычным делом (работая на заводе, в поле, в университете, в больнице, театре и т. д.), делегируя эту функцию первым, тем, кто по тем или иным критериям, в определённый момент времени, вызвал и вызывает у них доверие. Понятно, что в разные историко-политические эпохи этот механизм по-разному проявлялся и реализовывался. Но в любом случае, в зависимости от того, кому они доверятся, зависит, получают ли они свой «кусочек ресурса» или не получают.

Проблема в том, что мы обычно работаем с неким результатом, не учитывая и не влияя на формирование тех механизмов, которые сработают или не сработают в ситуации принятия политического решения на любом уровне. Поэтому, когда политические деятели, формально имеющие властный ресурс

и определяющие «правила игры», с определённой периодичностью обращаются к «народу» за легализацией своего права на власть и установку правил, то ожидают от него одобрения, гласного или негласного, активного или пассивного. И они очень удивляются, когда сталкиваются с неодобрением в той или иной форме. И вот здесь вырисовывается поле деятельности политических психологов в прикладном, практическом плане, которое можно обозначить как психолого-политическое сопровождение политической, и шире — государственно-управленческой деятельности.

И еще один момент, дело в том, что мировоззрение человека формируется намного раньше, чем принято об этом говорить. И в силу развития этого мировоззрения человек соглашается или не соглашается с действующей политикой в так называемый межвыборный период.

А. И. Ватулин: А действующая политика — это что?

Н. А. Градова: В моем понимании это озвученное правительством решение. Продолжу. Своим выступлением я хочу акцентировать наше внимание на том, что те, кто в очевидном смысле не участвует на данный момент «в борьбе за ресурс» и не является политическим деятелем, также должны оставаться в спектре внимания политической психологии, но не как объекты воздействия, а как потенциальные субъекты этой борьбы.

Просто, как я уже сказала, на данном этапе их жизни они активно или пассивно (открыто или скрыто) делегировали своё право распределять ресурсы уже избранным и/или назначенным политикам. Тем самым выразив доверие существующей политической системе. А политика как место или социально-профессиональная сфера для самоактуализации их не интересуют, как, например, не интересуют некоторых из нас выращивание картофеля на своем дачном участке и каких-либо иных продуктов питания, как, впрочем, и наличие самой дачи как места отдыха нас не интересуют. При этом ничто не мешает на следующем этапе жизни, под воздействием каких-либо обстоятельств или внутренних интенций, данной части социума активно включиться в «борьбу за ресурс», исходя из трактовки «политики», предложенной Александром Ивановичем.

Поэтому понимать, почему вдруг рядовому обывателю, пусть даже он будет известным культурным деятелем, захочется включиться в борьбу за ресурс, мне думается, и есть предметное поле политической психологии как в фундаментальном, так и прикладном плане. Так как политическая психология должна ответить на вопрос: «Почему обывателю захотелось сменить образ жизни и выбрать политическую деятельность как сферу для самоактуализации?» И ответить на потенциальный запрос государственно-политических деятелей, какими методами, техниками,

инструментами и контентом проводить политику, чтобы не формировать или, наоборот, формировать условия-факторы, которые спровоцируют рядового гражданина-обывателя сменить свой профессиональный статус из объекта политики превратиться в ее субъект.

А. И. Ватулин: Смысл научной дискуссии заключается ещё и в том, что некие умозрительные конструкции ученых подвергаются критике или экспертизе со стороны своих же коллег. И для научных дискуссий важна некая калибровка собственных умозрительных построений. В этом и заключается польза таких мероприятий, как наш круглый стол.

У нас есть на слуху такое понятие, как «миролюбивая политика». Что означает «миролюбивая политика», если мы ее рассматриваем как борьбу за ресурс. Вот кто-то, какая-то страна проявляет «миролюбивую политику», что это значит? Это значит, что он или она борется за нужный ресурс не с помощью авианосцев, авиабомб и прочих военных инструментов, а с помощью юристов, экономистов, маркетологов и прочих. Но это всё та же борьба.

А. С. Иванова: Принимая однозначно в качестве определения политики — борьбу за ресурс, мы методологию политической психологии основываем на биологизаторском подходе. Но тогда всё политическое устройство человеческого общества мы трактуем с позиции дарвинизма, где базовым принципом существования видов является борьба за выживание. И чем мы тогда отличаемся от животных?

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СОВЕТНИК

А. Э. МИЛАНИЧ:

Я бы хотел привлечь наше внимание к следующему. Само словосочетание «политическая психология» состоит из двух слов. И если слово «психология» мы все понимаем примерно одинаково.

А вот что такое «политическая»? Вот здесь начинаются все споры. Кто и как понимает политику? Кто постарше помнят марксистско-ленинскую трактовку политики. Никаких ресурсов там не было.

Нам надо определить, что мы понимаем под словом «политическая». Вы, Александр Иванович, предложили свою трактовку политики, но я предлагаю пока сузить её до формулировки «борьба за власть», как более универсальную, потому что по формулировке «борьба за ресурсы» мы будем спорить долго, так как каждый понимает «ресурсы» по-разному, в зависимости от отрасли. И на мой взгляд, понятие «власть» — оно более определено, как у социальных психологов, так и у социологов и политологов. Но вы можете меня поправить.

А. И. Ватулин: Может, со мной и не согласятся коллеги, но, на мой взгляд, слово «власть» не более понятное, чем слово «политика». И мы будем

спорить не меньше, когда дойдём до этого понятия. Лично мне слово «ресурсы» более понятно. Ведь ресурсы — это могут быть и властные полномочия, и информация, ресурсом могут быть и товар, и деньги. Это всё, что тебе позволяет доминировать над окружающими.

А. Э. Миланич: Но в такой трактовке здесь может и не быть политики.

А. И. Ватулин: То есть, если вы боретесь за ресурсы — это не политика?

А. Э. Миланич: Да, это может быть всё что угодно. Это может быть экономическая конкуренция, к примеру. Ведь ресурсы в этой жизни перераспределяются очень многими способами. И именно представители власти и перераспределяют ресурсы. Здесь можно только говорить о «цивилизованной» форме распределения — это регламентирует законодательная и исполнительная власть, либо о «нецивилизованной» форме или «силовой». И последнее и есть борьба за власть.

А. И. Ватулин: Или за ресурс?

А. Э. Миланич: Повторю, на мой взгляд, ресурсы можно перераспределять и неполитическими методами. И это не обязательно политика.

А. И. Ватулин: Как неполитическими?

А. Э. Миланич: Рыночными методами, например. Ресурсы могут быть разными. Это может быть вода, «печеньки» или денежные знаки. И они к политике имеют опосредованное отношение. Хоть и говорят, что «политика — это концентрированная экономика». Но это, скорее всего, как следствие. Мы можем, например, с вами обменивать денежные знаки на воду и печеньки. Они будут прирастать, и моя ресурсная база будет увеличиваться в виде денежных знаков, а ваша будет увеличиваться, например, в виде воды, которую вы у меня приобрели. Где здесь политика? Но мы, тем не менее, поборолось за ресурсы.

А. И. Ватулин: Тут нужно разобраться, что у нас увеличилось в результате обмена и была ли борьба за ресурсы.

Н. А. Градова: Позвольте несколько скорректировать направление вашей дискуссии и вернуться к цели нашего заседания. Мы сегодня собрались обсудить проблему, касающуюся определения места политической психологии в системе наук и выработки приблизительно общей трактовки её предмета, но ушли в обсуждение понятия «политика» и спорим о том, является ли политика борьбой за власть или борьбой за ресурс. Если вернуться к объекту борьбы, как за власть, так и за ресурс, то надо определить того или тех, кто активно или пассивно участвует в этой борьбе. И я предлагаю в наших рассуждениях — что есть политика и что есть предмет политической психологии — не забывать о формализованной юридической норме существования любого общества, которое зафиксировано

в основном законе любой страны — Конституции. Согласно Конституции Российской Федерации граждане нашей страны имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей, имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме, имеют равный доступ к государственной службе и имеют право участвовать в отправлении правосудия. Поэтому, когда мы говорим о предмете и объекте политической психологии, то в качестве таковых для нас должно выступать всё население страны, мировоззрение каждого её гражданина. Так как никогда не знаем, какие группы граждан объединятся для борьбы за власть и кто конкретно будет эту власть представлять. А исходя из трактовки, предложенной Александром Ивановичем Ватулиным, получается, что гражданин, не борющийся за власть как средство борьбы за ресурс, не является субъектом политики, и следовательно, его психология не является предметом политической психологии, а если мы его и изучаем, то только в качестве объекта политического воздействия или ресурса-средства для политического деятеля или его группы.

**ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ ИСТОРИИ СТРАН
ДАЛЬНОГО ВОСТОКА СПбГУ,
ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР
В. Н. КОЛОТОВ:**

Дискуссия очень интересная. По поводу «силы» и использования грубой силы я вспомнил один очень интересный афоризм, который приписывают Аль Капоне. Звучит он следующим образом: «Добрым словом и пистолетом можно добиться куда больше, чем просто добрым словом!» Не будем забывать, что мы живём в мире, когда попытки повлиять даже конституционными, легитимными способами на позиции тех или иных групп приводят к жёстким ответным методам вплоть до физической ликвидации. В этой сфере важнейшим ресурсом, правда, не всем доступным, является информация. Она бывает разной. Из теории информации известно, что 80 % информации не обладает никакой ценностью. Это то, что сегодня находится в свободном доступе в Интернете. И люди платят за то, чтобы её разместить. Данная информация носит нерелевантный характер. 15 % информации, куда относятся экспертные мнения, газеты и другие СМИ, в том числе профессиональные, имеет уровень релевантности примерно 50 %. Оставшиеся 5 % информации — абсолютно релевантная информация, которой нет в свободном доступе. За попытку получить к ней доступ могут последовать жёсткие меры вплоть до физической ликвидации, разумеется, без какого бы то ни было юридического

оформления. Соответственно расходы на защиту такой информации растут в геометрической прогрессии. Это тоже ресурс. Ресурсы бывают разные: информационные, силовые и прочие. Например, известный спортсмен депутат Николай Валуев стал депутатом не благодаря физическим кондициям, да, он сделал себе имя в спорте, а затем использовал интеллектуальный ресурс и стал депутатом. В отличие от своего украинского коллеги Кличко, он не сорит афоризмами в стиле «все готовимся к земле» или «не только лишь все, мало кто может это делать». Тем не менее последний тоже был депутатом и остаётся весьма заметным политиком в своей стране. У некоторых известных людей тысячи и даже миллионы подписчиков в социальных сетях и интернет-сервисах. Это также мощный ресурс. Например, известный блогер «Гоблин» с характерным юмором перевёл несколько фильмов и получил известность. Это всё очень неглупые люди. Они управляют в определённом смысле информационными ресурсами, которые могут влиять на людей, что используется и в политике. То, что мы сейчас обсуждаем, напоминает приоритеты, характерные для биологических систем, т. е. лимбической системы — питание, доминантность и размножение. Причем аналогичная система работает и в информационной сфере, начиная от «психических вирусов», которые заражают людей, вплоть до компьютерных, которые заражают компьютеры и другие технические устройства, нарушая их работу, похищают информацию, в том числе из закрытых систем. Так, Израиль в своё время остановил иранскую ядерную программу, используя для этого так называемые «боевые вирусы», которые физически вывели оборудование из строя. Недавние события в Венесуэле показали, как можно с помощью боевых вирусов «выключить» электростанцию. Таская воду из реки, у жителей Венесуэлы была возможность подумать про реальные последствия вирусной атаки на критическую инфраструктуру и понять, насколько это серьёзно. Человеческая цивилизация развивается, и по мере её развития появляются новые виды ресурсов, за контроль и управление которыми идёт самая настоящая война.

Что касается дискуссий с представителями смежных наук, то я лично не вижу в этом особого смысла и не считаю нужным тратить на это время, которое тоже является ресурсом. Я полагаю, что более продуктивно повышать качество научного продукта, т. е. проводить научные исследования так, чтобы было понятно, что это серьёзно, и привлекать коллег на свою сторону. Это будет более продуктивно для всех нас. И, конечно, необходимо развивать журнал «Вестник политической психологии», так чтобы он стал центром притяжения создателей качественного научного продукта и тем самым стал бы соответствующим информационным ресурсом, который

оказывал бы положительное воздействие на политику. Тем более что все условия для этого, на мой взгляд, имеются.

А. Э. Миланич: Хотелось бы высказать небольшое дополнение. Например, информационный ресурс, сосредоточенный в одних руках, можно назвать уже информационной властью. На первый взгляд данные понятия очень близки. Вопрос в распределённости и количестве ресурсов в одних руках. Когда они «распределённые», то ими пользуются все, но если они монополизируются, то это уже инструмент власти.

В. Е. Семёнов: Кстати, во многих словарях, в том числе в «Комплексном нормативном словаре современного русского языка» (*Комплексный нормативный словарь современного русского языка / под ред. Г. Н. Складневской и Е. Ю. Ваулиной. СПб., 2007. — Прим. ред.*), «политика», будучи греческим термином, конкретно определяется как «искусство управления государством». Это более широко и пристойно, чем более узкое и вульгарное определение «борьба за власть или ресурсы». А в «Кратком политическом словаре» (*Краткий политический словарь / Абаренков В. П., Аверкин А. Г., Агешин Ю. А. и др.; сост. и общ. ред. Л. А. О니кова, Н. В. Шишлина. 4-е изд., доп. — М.: Политиздат, 1987. — Прим. ред.*) недалеко от «политики» находится опять же греческий термин «плутократия»: 1) власть богатых, господство денег; 2) политический строй, при котором государственная власть в стране принадлежит представителям наиболее богатых слоев общества. Для русского человека это слово имеет ещё и особый, дополнительный юмористический смысл, ассоциируясь с русским словом «плут» и современностью. Однако, коллеги, в своих рассуждениях «что есть политика» мы всё же забываем самое главное: символ «веры», философию жизни, которые есть, сознательно или не совсем, или даже почти неосознанно, у каждого человека. Помните, как у Гёте:

*Где за веру спор,
Там, как ветром сор,
И любовь и дружба сметены!*

В конечном счёте философия жизни есть и у последнего бомжа, бродяги, пьянчуги. Пусть вульгарная, примитивная, но философия и вера. Отрицание веры — это тоже вера и мировоззрение. И у политиков есть всё это. Просто они обычно лицемеры и часто верят отнюдь не в то, что говорят. Политологи, по крайней мере, должны иметь хотя бы некое научное мировоззрение, иначе это просто недалёкие политтехнологи, циничные хитрованы с набором эмпирических отмычек.

А. И. Ватулин: Этическая и мировоззренческая составляющие жизни человека неразрывно связаны с политической, влияя и видоизменяя последнюю. Когда мы переводим фокус внимания на социум, особенно важна дихотомия «эгоизм — альтруизм».

Если надо, чтобы было больше людей, которым хорошо живётся, это один вопрос. Когда команда требует, чтобы хорошо жилось в первую очередь членам команды, а потом уже всем остальным, это другой вопрос. В политике это постоянный конфликт.

А. В. Шустов: В принципе, символ веры есть у каждого. Он формируется у нас в процессе воспитания. И дальше его надо синхронизировать с другими. Для нас, как исследователей, наши убеждения в неких научных истинах, это и есть тоже в каком-то смысле символ веры.

А. И. Ватулин: Сегодня мы и пытаемся выработать исходя из личного опыта каждого и его «символа веры» первичное понимание, где мы видим «политику» и как среди предметного поля политики мы видим людей, включённых или не включённых в политические иерархические структуры, группы, которые имеют определённые цели и средства достижения власти, влияния; какие специфические методы исследования мы можем использовать для изучения этих труднодоступных людей. Таким образом, политическая психология находится в удивительной ситуации, когда должна изучать релевантную информацию, к которой нет доступа в текущей актуальной политике, а только через воспоминания политических и государственных деятелей о том, что было 30–40 лет назад. Мы не знаем реальной ситуации, не знаем фактов, которые привели к этому явлению в текущем временном периоде. И в этом очень большая сложность именно политической психологии. Нам приходится «играть» либо на поле, завуалированном туманом, либо на поле публичной политики, где скрыты главные акторы, а остаётся только то, что видно — выступающий политик на экране ТВ, выступающий глава предвыборного штаба, агитаторы предвыборных штабов и т. п., представляющие узкий сегмент политики.

А. В. Шустов: И всё же я бы хотел вернуться к трактовке понятия «политика». Я не могу согласиться с предложенной Александром Ивановичем трактовкой.

А. И. Ватулин: И это очень хорошо. Я напомним ещё раз своё определение. Политика — это специфические формы борьбы за ресурсы организованных групп людей в условиях реального или потенциального противодействия. То есть там, где нет борьбы, там и нет политики. Политика появляется только тогда, когда есть борьба.

А. В. Шустов: Думаю, такое определение несколько сужает предметную область политики. Моё определение политики исходя из моего научного понимания на сегодняшний день следующее. Политика — это сфера человеческой деятельности с размытыми границами, которая охватывает проблематику институционализованного управления обществом. То есть, политика — это об управлении обществом, но не о любом управлении, а о том,

которое выражается в тех или иных формальных или неформальных институтах.

А. И. Ватулин: Тут всегда есть трудность в понимании следующих терминов: управление, власть и политика. Возьмем простую армейскую структуру. Есть там управление? Есть. А борьба за власть?

А. В. Шустов: Борьбы нет, а власть есть.

А. И. Ватулин: Хорошо. Вот есть какой-нибудь отдел полиции, там у каждого есть должностные инструкции, вот они выполняют эти инструкции, некоторые в ранге участкового могут десятилетиями их выполнять. Есть психологи в ОВД, они там тоже десятилетиями могут сидеть и выполнять свои инструкции. У них политики никакой нет, если они не борются за большую власть. А управляют они постоянно чем-то или кем-то.

А. В. Шустов: Я по-другому взгляну на эту ситуацию. Смотрите, с одной стороны, эти полицейские могут быть инструментами политики, ни в чем не отступая от должностных инструкций и от приказов начальства...

А. И. Ватулин: Нет, у вас ключевое слово «управление обществом». Вот есть какой-нибудь командир полка. Он управляет обществом?

А. В. Шустов: Он является элементом системы управления. Пока он выполняет инструкцию, он является инструментом чьей-то чужой политики. Но как только он отступит от инструкции, он сам становится политическим деятелем.

А. И. Ватулин: Но мы-то сейчас говорим о том, что они занимаются управлением, но политикой они не занимаются.

А. В. Шустов: Почему? Они занимаются политикой, будучи инструментами. Смотрите, когда появляется предмет политической психологии. Я командир подразделения Росгвардии, и меня отправляют подавлять некое массовое выступление. Представим себе, что я, как командир, не имею окончательного мнения по вопросу о законности полученного мной приказа или же вообще считаю, что подавлять силой это выступление неправильно, потому что это незаконно. И вот здесь я являюсь субъектом политики, потому что моя позиция как гражданина вступает в противоречие с моей позицией как должностного лица и военнослужащего.

А. И. Ватулин: Но это этические позиции.

А. В. Шустов: Да. Но это предмет политической психологии.

А. И. Ватулин: Почему я говорю, что «управление» — это термин из другого предметного поля. Когда есть вертикаль власти или даже простая иерархическая вертикаль, у каждого человека или животного есть желание подняться повыше, несмотря на должностные инструкции, исполнение которых является основой управления.

В. Н. Колотов: Доминантность.

А. И. Ватулин: Доминантность — это же не простое качество человека, она биологически целесообразна, потому что при её активации позволяет гарантированно обеспечить выживание и продление рода биологического существа.

Когда вы находитесь в иерархической структуре, пусть вы там являетесь менеджером среднего или высшего звена, вы занимаетесь управлением, политикой вы не занимаетесь. А когда вы начнете заниматься политикой? Когда вам захочется подняться выше. Вы собираете вокруг себя банду, мафию, кого угодно, и тогда с помощью специфических, как Валентин Евгеньевич сказал, методов — подкупа или шантажа — начинаете двигаться выше или захватывать по горизонтали какие-то ресурсы, какие-то должности, раздавать их своим друзьям, родственникам, вот тогда появляется политика, когда вы как организованная группа начинаете захватывать ресурс. А как вы будете управлять обществом? — Я назначу управленца, и он будет у меня всё время управлять. Он будет управлять, но он не будет политиком.

А. С. Иванова: И всё же хотелось сделать ещё одно замечание или пояснение. Наш с вами учитель, Анатолий Михайлович Зимичев, понятие «политика» трактовал как деятельность, формирующую смыслы. То есть, деятельность, отвечающую или призванную ответить на вопросы: «зачем?» и «почему?». И, на мой взгляд, такая трактовка коррелирует с понятием «вера», на что обратил наше внимание Валентин Евгеньевич. А то, как вы — Александр Иванович, определяете политику, скорее, опять-таки по Зимичеву, следует отнести к функции искусства, т.е. к деятельности, которая отвечает нам на вопросы: «как?», «когда?» и «где?», ну и конечно «кто?». И такую деятельность Анатолий Михайлович предложил, в свою очередь, обозначать как «политика-с», используя частицу «с» с определённой долей иронии. Вот вы сейчас, Александр Иванович, говорите как раз о «политика-с», борьбе за ресурсы и расширение своей территории для получения лучших или больших ресурсов, то есть ресурсы ради ресурсов. Но при такой трактовке политики, на мой взгляд, теряется смысл существования общества, да и человечества в целом. Если только мы с вами собираемся оставаться в статусе «двуногих животных», а не стремиться к статусу «творца».

В. Н. Колотов: Подводя промежуточный итог, приведу цитату Сунь-цзы из известного трактата «Искусство войны», который я часто люблю цитировать. В этой книге говорится о стратегии. Что такое стратегия? Это технология борьбы за ресурс. Для достижения цели используются стратегемы. По-китайски в то время для обозначения понятия «стратегема» использовался иероглиф «цзи» 計 jì, состоящий из двух графических элементов: ключа 言 yán «говорить» и детерминатива 十 shí «десять», т. е. расчитай план на десять шагов вперёд и только затем

озвучивай. По-китайски трактат называется 兵法, и иероглиф 法 обозначает не «искусство», а «закон». Это разные понятия. Оригинальное название трактата «Законы войны». Там обозначено четыре уровня стратегии. И с тех пор, с VI века до нашей эры, опровержений этому нет. Сунь-цзы пишет, что «Высшая стратегия — это разбить замыслы противника, затем — разбить связи, затем разбить войска, и самая низшая стратегия — это штурмовать города». Вот четыре уровня. Все они могут работать одновременно. И чем выше уровень политика, тем больше он использует интеллектуальные и информационные методы. Разбить замыслы противника и навязать ему свои. Реализовать стратегию растраты ресурсов противником. Это нам было навязано в Афганистане. Когда нет своей стратегии, люди реализуют чужую. Соответственно, в каком-то смысле вот эта формула объединяет многое из того, что говорилось, но структурирует проблему определённым образом.

А. В. Шустов: Может быть, это слишком такое эгоцентричное заявление, но я лишь убедился в том, что два озвученных мной предложения из всего, что я говорил, остаются актуальными, и я бы хотел их ещё раз зафиксировать. Первое, это то, что мы действительно должны ограничиться своим кругом в плане общения и не обращать внимание на то, кто и что пишет там на какие-то темы, а действительно, как мы начали сегодня обсуждать, что такое политика для нас, так дальше и обсуждать, пока не разберёмся. И действительно, если мы будем хороший продукт производить, который будет востребован — научный продукт, то и не надо будет воевать ни с политологами, ни с социологами и так далее.

А. И. Ватулин: То есть, вы за толерантность?

В. Н. Колотов: За демонстрацию доминантности в научном мире путём качества своей научной парадигмы.

А. В. Шустов: Именно так. А второе, уже по поводу определения политики, которое мы обсуждали. Не знаю, обратили ли вы внимание: в начале своего определения я как раз говорил, что политика — это сфера с неопределёнными границами. И вот, мне кажется, нам нет необходимости пытаться эти жёсткие границы поставить. Ну какая разница, будем ли мы считать: «Искусство войны» — оно относится к политике или не относится? Мы на интуитивном уровне, как исследователи, понимаем, в каких случаях нам надо изучать и делать несколько шагов в сторону поведения, которое реализуют представители армии, или каких-то психологических феноменов, которые у них проявляются, а в каких-то случаях мы чувствуем интуитивно, что в сторону тех явлений идти не надо. Поэтому, скорее, нам надо не столько границы нашей предметной области определить, сколько определить какую-то центральную зону, во круг которой на данном этапе находимся.

В. Н. Колотов: А можно чуть-чуть добавить к тому, что Алексей Владиславович говорил. Речь же ведь о том, что Сунь-цзы в своём трактате о военном искусстве проводит следующую основную мысль — «самое важное — победить не сражаясь», то есть фактически высшее искусство войны состоит в том, чтобы перевести борьбу в политическую сферу, или, как сейчас говорят, в сферу политехнологий, потому что политическая деятельность, разбитая на 10 этапов, — это уже политехнология, которая ведёт к определённой цели. Это по определению — политехнология. Когда академик Н. И. Конрад переводил трактат «Искусство войны», то иероглиф «стратагема» (план) был переведен — «изначальные расчеты». Уже потом, в конце 1970-х годов, академик В. С. Мясников стал использовать термин «стратагема». Не всегда есть точные слова в языке, которые позволяют адекватно эти вещи перевести, просто понятийный аппарат меняется в зависимости от очень многих условий.

А. И. Ватулин: Ещё раз обращаю ваше внимание на путаницу при трактовке терминов. Если в словосочетании «политика партии и правительства» заменить «политику» на «плановая деятельность» или «проектная деятельность», то абсолютно никаких смысловых изменений не происходит, но когда называешь это политикой, то сам себя превозносишь и вроде бы занимаешься чем-то более значимым. Некрологи советского времени часто содержали такое словосочетание, как «выдающийся государственный и политический деятель». Мне кажется, под этим подразумевалось, что человек занимался управлением на государственной службе и политикой в составе коммунистической партии. Поэтому равенство между государством и политикой у меня вызывает внутреннее неприятие. Какая экономическая политика у какого-то там министра? Нужно выполнять планы и указы, которые тебе «Единая Россия» начертала, напиши 10 шагов по выполнению этих планов — с тебя больше ничего не надо. «А я на политической должности», — считает работник министерства. Понятно, если ты представитель определённого клана, который тебя поставил на эту должность и которому ты должен обеспечить поиск государственных заказов или перевод всех этих заказов в дружественные структуры, вот тогда у тебя политическая деятельность.

В. Н. Колотов: Но тогда это уже феодальная система.

**ЗАМЕСТИТЕЛЬ ЗАВЕДУЮЩЕГО КАФЕДРОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ СПбГУ,
ДОКТОР ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР
О. С. ДЕЙНЕКА:**

Я всё-таки за то, чтобы в политической психологии использовались разные подходы (и ресурсный, и деятельностный, и типологический). Наша дискуссия

заострила внимание на том, как сейчас актуален ресурсный подход, тем более что ресурсами мы теперь называем многие реалии, включая информационный ресурс и ресурс влияния (и всё это господин Колотов очень хорошо проиллюстрировал). Информационные войны давно переросли в когнитивные, то есть войны за знания и смыслы. В результате когнитивных войн мы теряем часть нашего ценнейшего человеческого ресурса, особенно молодёжь. Но никто не отменяет при этом и деятельностный подход, потому что политика доносится людям, оформляясь в цели, в смыслы, а иногда ещё люди задумываются и о средствах. И тогда бывают сложные ситуации, потому что могут не устраивать средства, с помощью которых достигаются какие-то цели. И возникает понятие «цена реформы» или «цена решения». И политическая деятельность, и политический труд, по Александру Ивановичу Юрьеву, может быть при слишком высокой цене решений и изменений, неэффективным. И деятельностный подход необходим, и бихевиоральный стоит использовать, и ресурсный. Вот как раз в реальном политическом решении часто возникает почва для каких-то политических изменений, и потому бывает конфликт целей. Вы говорите: в управлении там всё ясно. Нет, там может быть конфликт целей, в той же экономической политике. Например, полная занятость в рыночном обществе находится в конфликте с такой целью, как стабильность цен, или вот другая пара целей — экономический рост и охрана окружающей среды. И именно политик принимает решение о том, какая из целей, находящихся в конфликте, будет в данное время и в данном месте приоритетной в актуальном балансе. Где-то приходится выбирать волнообразное маневрирование, а где-то единственно верное решение момента.

Я считаю, что понятие «политика» вышло за рамки политической деятельности, что оно активно используется в организации (кадровая, информационная и пр.) и спускается иногда даже на уровень межличностного общения, и живет своей жизнью. И когда вы приводили военные примеры, то тоже был соблазн перевести их на язык политических решений и отношений.

Даже некоторые явления, которые иногда называют ментальными, могут иметь историко-политические причины. Вот я иногда думаю: «Почему наше население так тяготеет к тому, что за рубежом называют тоталитаризмом, а лучше бы назвали единовластием, единоначалием?» Да потому, что обычно единоначалие необходимо в ситуации военной, кризисной. А поскольку мы почти перманентно живём в кризисе разного рода, то у народа в какой-то степени сформировалась такая политическая мобилизационная потребность. Я сравнивала в период экономического кризиса отношение к экономической политике у менеджеров в Германии и в России. Наши соотечественники относились к экономической политике в период кризиса намного более лояльно,

а менеджеры в Германии были очень напуганы и критичны, вплоть до паники. Хотя я не могу сказать, что там экономическая политика хуже, чем у нас.

В. Е. Семёнов: Кто-то из вас знает мою концепцию российской полиментальности, она вообще-то универсальна, годится и для других стран мира. Мы никуда не денемся от того, что всё-таки люди вследствие исторических условий приходят в социальный мир не просто как *tabula rasa*, они уже обладают своеобразной исторической наследственностью. С самого раннего детства что-то видят и слышат, запоминают, реагируют, родители, другие родственники, вся социальная среда, дух времени влияет, воспитывает сознательно или спонтанно. Кстати, в предпоследней газете «Завтра» (Фефелов А. *Константин Малофеев: «Строим русский интер-да!» // Завтра. 2019. № 45 (1352). С. 8. — Прим. ред.*), там такой крупный подзаголовок, журналист, сын известного всем Александра Проханова, Андрей Фефелов написал: «красные и белые против голубых», — это он наконец-то вспомнил моё стихотворение «*Так, примиритесь красный с белым, — страну погубит голубой*». Года два назад мы в Петербурге проводили круглый стол, посвящённый социальной справедливости, и пригласили его. Я был ведущим этого стола, и, как это обычно бывает, мне на выступление времени не хватило (все ведь очень говорливые — не унять). Поэтому я прочёл своё политическое стихотворение, потом я видел его в Интернете, даже с интересной иллюстрацией и даже с моей фамилией (что, как известно, в Интернете делают далеко не всегда). Белым, красным и голубым (как на российском флаге-триколоре) я закодировал три наших российских основных менталитета, то есть религиозно-православный, коллективистско-социалистический и либерально-капиталистический. И, увы, борьба между этими менталитетами ведётся постоянно. Красный и белый — это народные менталитеты, но и они поладить по-настоящему не могут. А голубые либералы тем временем прихватили очень многое: финансы, культуру, науку, образование, СМИ, Интернет. Однополярного мира всё меньше, но глобализация ещё очень даже есть. И самое главное, что мы, Россия, зачем-то прицепились к поезду «капитализм», который в лучшем случае движется в тупик, а в худшем — прямиком под откос. В 2018 году вышел последний доклад Римскому клубу „*Сome one!*“ — детище западных интеллектуалов, где они убедительно доказывают, что капитализм исчерпал свои возможности: природа изгажена, климат катастрофический, социальное неравенство зашкаливает, демография ужасна, грандиозные финансовые спекуляции и офшорное мошенничество, возрастание угрозы большой войны. Требуется новое мировоззрение, настоящие нравственные ценности, новое образование и воспитание... Однако мы в России всё строим

капиталистическое общество потребления, где человек человеку совсем не друг и нет вообще никакого вдохновляющего образа будущего. И не случайно, как показывают последние социологические опросы, более половины молодых людей настроены покинуть родину. Кстати, позавчера в «Евроныйс» Джозеф Стиглиц, лауреат Нобелевской премии по экономике, выступал и опять: «ребята, капитализму конец, необходим новый общественный договор».

Понятие «истина» сейчас уже почти исчезло, «пост-правда», такой гадкий термин придумали. Значит, политологи больше не служат Истине? Но если они не служат Истине, то политология не наука, а политологи служат тому или иному политическому клану, и вся политология на этом и кончается. Или мы всё-таки будем искать эту неуловимую истину, или мы будем обычной обслугой, причём не исключено, что какой-то мафии. И всё.

А. И. Ватулин: Спасибо. Найдя просто новую истину, мы рискуем родить и новую мафию под неё.

В. Н. Колотов: Очень сильным было это выступление у коллеги, я в это время вспомнил цитату Джорджа Сороса, которая описывает аналогичную ситуацию, — «музыка уже кончилась, а они всё ещё пляшут». Здесь надо не плестись в хвосте уже отживших своё теорий, а вырабатывать что-то более релевантное, что отражает реальность, а не просто повторять обрывки чужих теорий. Вот характерная цитата, которую приписывают А. Б. Чубайсу: «Что вы волнуетесь за этих людей? Ну, вымрет тридцать миллионов. Они не вписались в рынок. Не думайте об этом — новые вырастут». Это отражение неких навязанных извне ложных идеалов, которые отрабатываются во что бы то ни стало. Поэтому надо иметь свою миссию, свои цели, свои задачи, а не навязанные извне.

А. И. Ватулин: Ну, тут единственную ремарку вставлю. Владимир Павлович Бранский, который занимался идеологией, говорил, что это объективный процесс, и возникнуть идеология на голом месте не может. Её должны формировать и распространять такие борцы, как Валентин Евгеньевич, постоянно внося в общество не только смуту, но и предложения по выходу из кризиса.

А. Л. Вассоевич: Уважаемые коллеги! Прежде всего я хочу всех сердечно поблагодарить за то, что вы сегодня посетили Институт востоковедения РГПУ имени А. И. Герцена, для нас это очень ценно, т. к. политической психологией начинают заниматься люди, которые волею судеб никакого отношения к кафедре политической психологии СПбГУ не имели. Самый яркий пример — это Владимир Николаевич Колотов, заведующий кафедрой истории стран Дальнего Востока и директор Института Хо Ши Мина. Владимир Николаевич пришёл в политическую психологию

своими путями и даже начал эффективно работать в той же самой области, в которой работаем и мы. Это тем более ценно, что вектор российской политики стремительно разворачивается на Восток. Значит, уже есть конкретный результат. Владимир Николаевич — это первая ласточка, а за ней, как я думаю, начнется перелёт востоковедов в специальность 19.00.12.

Особо хочу подчеркнуть, что за прошедшие 30 лет политические психологи так и не договорились о терминах. Вы помните, что Анатолий Михайлович Зимичев частенько говорил нам, что подавляющее большинство научных споров связано с тем, что их участники просто не договариваются о терминах. В результате только остаётся вспомнить песню: «и каждый думал о своём, припомнив ту весну. И каждый знал: дорога к ней лежит через войну». Хочу напомнить, что любой научный термин, а термин восходит к латинскому *terminus*, что означает «пограничный столб», это понятие с четко ограниченными значениями. Значит, надо постепенно, если мы хотим действовать как единый дружный этнос политических психологов, вырабатывать свой понятийный аппарат. Для этого всегда полезно обращаться к этимологии, к исходному значению слов. Слово «политика» происходит от древнегреческого «полис», а полис, по всей видимости, сродни слову «много», которое нам хорошо известно по поливитаминам. С точки зрения норм древнегреческого словообразования «политика» — это городские дела. А в городах, как мы понимаем, собиралось множество людей и возникали массовидные явления. И именно там и запускался политический процесс. Если мы будем держаться этой исходной этимологии, то нам станет намного легче. Ведь мы понимаем, что в деревнях политикой занимаются мало, на хуторах уж тем более, а в городах политический процесс интенсивен. И даже мы тут тоже сегодня дискутировали как brave горожане.

Не могу не согласиться с Валентином Евгеньевичем Семёновым, который сказал о значении «веры» в политическом процессе. Однажды Анатолий Михайлович Зимичев в моём присутствии подарил человечеству великолепное определение «веры». Я тогда ему задал вопрос: «Что такое вера?» И Анатолий Михайлович не задумываясь ответил: «Вера — это субъективное восприятие истинности». Таким образом, каждый из нас несёт в себе «субъективное восприятие истинности». И если мы хотим действовать как некий дружный этнос политических психологов, то нам придётся договариваться о терминах, о формировании единого понятийного аппарата.

Ещё раз благодарю всех за работу.